

A movie poster for 'The Dark Patterns' (Узоры тьмы). It features a woman, Amelia Rose, on the left wearing an orange sweater and jeans, holding a flashlight. A man in a black leather jacket and jeans stands on the right. In the background is a tall, rusted water tower with glowing blue lights on its structure. The sky is dark and swirling with debris, and the ground is covered in dark, smoke-like patterns.

Амелия Роуз

Узоры
тьмы

18+

Амелия Роуз
Узоры тьмы

«Автор»

2026

Роуз А.

Узоры тьмы / А. Роуз — «Автор», 2026

Старая водонапорная башня — не просто заброшенное здание. Это ворота, соединяющие времена, и ключ к ним спрятан в узорах, появляющихся на стенах домов. Когда Оливия начинает замечать эти знаки, её мир рушится: оказывается, город веками балансировал на грани двух реальностей. Знание о разломе передавалось в семье Адама из поколения в поколение, но никто не верил, что когданибудь придётся действовать. Теперь время пришло. Оливия и Адам отправляются к башне, чтобы найти ответы и остановить надвигающуюся катастрофу. Но разлом не просто реагирует на страх — он считывает самые глубокие чувства. И чем сильнее их связь, тем ближе тьма. Чтобы победить, им придётся не только разгадать древние тайны, но и заглянуть в самые тёмные уголки собственных сердец.

© Роуз А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Узоры тьмы

Глава

Туман стелился по асфальту, будто пытался скрыть что-то постыдное. Оливия шла по пустынной улице, плотнее кутаясь в пальто, и всё время оглядывалась — ей казалось, что за ней кто-то следит. Телефон в кармане вибрировал уже в пятый раз: Мелисса писала без остановки, просила не задерживаться, вернуться к ним в кафе. Но Оливия не могла. Что-то внутри сжималось от предчувствия, и это чувство было слишком острым, чтобы его игнорировать. В кафе их ждала привычная тёплая суета: Рой громко спорил с Метью о какой-то старой рок-группе, Клер смеялась, прикрывая рот ладонью, а Адам, как всегда, сидел чуть в стороне, будто специально оставлял место рядом с собой для Оливии. Когда она вошла, все разом замолчали — и в этой тишине прозвучало что-то неправильное, словно мир на секунду сбился с ритма. Адам тут же вскочил, будто только и ждал её появления. — Ты где была? Мы уже думали, что... — он запнулся, не решаясь договорить. — Просто гуляла, — ответила Оливия, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Тут такой странный туман... будто город стал чужим. Мелисса встала, подошла и крепко сжала её руку. — Не шути так, — прошептала она. — Я звонила, писала... Ты не отвечала. Оливия хотела сказать, что телефон просто не ловил связь, но вдруг заметила, что на экране нет ни одного пропущенного вызова. Ни одного. А ведь сообщения от Мелиссы точно были — она помнила, как мелькало имя подруги на тёмном экране. Клер наклонилась вперёд, понизив голос: — Вы слышали про ту девушку из соседнего района? Её нашли у старой водонапорной башни. Говорят, она пропала ещё неделю назад, а теперь... Рой резко оборвал её: — Клер, хватит. Не надо пугать Оливию. Но было поздно.

Холод, который она чувствовала на улице, теперь пробрался и сюда, в уютное кафе, и сжимал горло ледяными пальцами. Адам посмотрел на Оливию так, будто хотел защитить её от всего мира. — Может, тебе лучше сегодня не одной быть? Я могу проводить... Оливия открыла рот, чтобы отказаться, но в этот момент в окне мелькнула тень — высокая, неестественно вытянутая, будто не человек вовсе. И на долю секунды ей показалось, что тень улыбнулась. Оливия замерла, вглядываясь в темноту за стеклом, но там уже не было ничего — только их отражения в мутном стекле да клубящийся снаружи туман, похожий на рваные обрывки дыма. — Что ты видела? — голос Адама прозвучал непривычно твёрдо, без обычной мягкой нотки. Он шагнул ближе, почти заслоняя её от окна, и Оливия вдруг почувствовала, как дрожит воздух между ними — будто напряжение, сгустившееся в кафе, нашло себе точку опоры именно здесь, в этом шаге, в этом движении. Она хотела сказать «ничего», привычно спрятать дрожь за небрежной фразой, но слова застряли в горле. Вместо этого она прошептала: — Тень... Она была слишком высокой. И... мне показалось, она улыбнулась. Мелисса тихо охнула, Клер вцепилась пальцами в край стола, а Рой потянулся выключить верхний свет — будто темнота могла сделать их менее заметными. В полумраке кафе голоса стали тише, но напряжение только выросло, звеня в воздухе, как натянутая струна. Адам не отводил взгляда от Оливии. — Ты не пойдёшь домой одна, — сказал он, и в его голосе не было вопроса, только стальная уверенность, от которой у Оливии почему-то не возникло желания спорить. — Я пойду с тобой. Прямо сейчас. Оливия открыла рот, чтобы привычно отмахнуться: «Со мной всё в порядке, я сама», но вместо этого вдруг почувствовала, как внутри что-то ломается — усталость, привычная броня независимости рассыпалась от одного только взгляда Адама. Она вдруг поняла, что больше не хочет быть сильной. Не сегодня. Не в этом городе, который будто перестал быть своим. — Ладно, — выдохнула она, и голос прозвучал непривычно тихо. — Ладно, пойдём. Он кивнул, будто ждал именно этих слов, и тут же начал собирать её пальто,

помогая накинуть его на плечи так бережно, словно она была чем-то хрупким, что нельзя уронить. Когда его пальцы случайно коснулись её шеи, убирая прядь волос, Оливия вздрогнула — но не от холода. Это было странное, острое тепло, которое на секунду заставило её забыть и про тень, и про туман, и даже про пропавшую девушку у водонапорной башни. — Держись рядом, — тихо сказал Адам, наклоняясь к ней так близко, что она почувствовала запах дождя на его куртке и едва уловимый аромат старого дерева и кожи — запах, который почему-то вдруг показался ей самым надёжным в этом странном, сбившемся с ритма мире.

Они шагнули к выходу, и в тот момент, когда дверь распахнулась, впуская внутрь влажный, тяжёлый воздух города, Оливия вдруг схватила Адама за руку. Не для того, чтобы он её вёл, — просто чтобы почувствовать, что кто-то рядом. Что она не одна. И в этот миг из тумана, прямо напротив входа, снова мелькнула та самая тень — на этот раз она не исчезла. Она стояла, наблюдая, и в её неподвижности было что-то невыносимо терпеливое, будто она ждала именно этого: момента, когда Оливия наконец перестанет притворяться, что ей ничего не страшно. Адам резко втянул воздух, его пальцы крепче сжали ладонь Оливии, и она почувствовала, как в нём поднимается волна ярости — не на неё, не на мир, а на то, что посмело угрожать ей. — Не смотри, — прошептал он, но Оливия уже не могла отвести взгляд. — Просто иди. Быстрее. Они рванулись вперёд, прочь от кафе, прочь от застывших в тревоге друзей, прочь от этой наблюдающей тьмы. И с каждым шагом Оливия чувствовала, как страх смешивается с чем-то другим — с горячеей, почти отчаянной благодарностью за то, что Адам рядом, за то, что он не отпустил её руку, даже когда асфальт под ногами стал скользким от сырости, а туман обволакивал их, словно пытался замедлить, удержать, не дать уйти. В этот момент она вдруг поняла: она не просто поддаётся его заботе — она хочет быть под его защитой. Хочет верить, что он сможет заслонить её от всего, что прячется в этом тумане. И это желание было таким сильным, что почти заглушало страх. Туман цеплялся за фонари, превращая свет в мутные жёлтые пятна, будто город тонул в густом молоке. Оливия шла, почти прижавшись к Адаму, и чувствовала, как её дрожь понемногу уступает место чему-то другому — не спокойствию, нет, но острой, звенящей ясности, которая приходит, когда перестаёшь притворяться, что ты в безопасности. Адам держал её руку крепко, но не до боли — так, словно боялся, что если ослабит хватку хоть на секунду, туман проглотит её без следа. — Почти дошли, — тихо сказал он, кивая в сторону её подъезда, едва различимого сквозь серую пелену. — Ещё пара минут. Оливия хотела кивнуть, хотела сказать что-то обычное, вроде «спасибо, я тут сама», но слова застряли, потому что в этот момент тень снова мелькнула — на этот раз не напротив, а сбоку, скользнув между двумя припаркованными машинами, слишком плавно, слишком бесшумно для человека. Адам заметил это одновременно с ней: его пальцы на её руке сжались до каменной твёрдости, а в груди будто что-то щёлкнуло — он шагнул вперёд, закрывая её собой, и в этом движении не было ни капли показной бравады, только чистая, первобытная решимость защищать. — Не смотри, — выдохнул он, но Оливия уже не могла не смотреть. Тень остановилась. И теперь Оливия видела: это не просто вытянутый силуэт. В нём было что-то неправильное, ломаное, будто суставы гнулись не туда, куда положено. А потом из тумана проступила деталь, от которой кровь стыла в жилах: длинные, тонкие пальцы, оканчивающиеся не ногтями, а чем-то острым, похожим на осколки стекла. И эти пальцы медленно поднялись, указывая прямо на неё. Оливия почувствовала, как мир сузился до одной точки — до этого жеста, до этого взгляда, которого она не видела, но ощущала кожей, как ледяной сквозняк. Её дыхание сорвалось, колени предательски ослабли, и она бы упала, если бы Адам не обернулся, не схватил её за плечи и не притянул к себе так резко, что она уткнулась лицом в его куртку. — Всё хорошо, — прошептал он ей в волосы, хотя в его голосе не было спокойствия — там звенела ярость, смешанная с ужасом, и от этого странного сочетания Оливии вдруг стало чуть легче. Он боялся, но всё равно стоял между ней и тьмой. — Я не дам ему тебя забрать. Слы-

пишь? Не дам. Она кивнула, не поднимая головы, и вдруг поняла, что прижимается к нему не из страха упасть, а из отчаянного желания почувствовать, что есть что-то настоящее, тёплое, живое в этом городе, который стал чужим. И когда её руки сами собой вцепились в его плечи, будто она пыталась удержать не только себя, но и его, Адам на секунду замер, а потом его объятия стали крепче — не как у рыцаря из сказки, а как у человека, который знает, что на кону не просто чья-то безопасность, а нечто гораздо большее. В этот миг из тумана раздался звук — не крик, не вой, а что-то среднее, протяжное и низкое, будто кто-то провёл когтем по стеклу, и этот звук ударил прямо в висок, заставляя кровь бежать быстрее, а мысли путаться. Адам выругался сквозь зубы, резко развернулся, всё ещё держа Оливию за собой, и крикнул в темноту: — Чего ты хочешь?! Чего тебе от неё надо?! Тишина ответила ему насмешливым эхом. А потом тень медленно, издевательски покачала головой — и исчезла, растворившись в тумане так же бесшумно, как появилась. Только теперь Оливия смогла выдохнуть. Но вместо облегчения пришла другая волна — острая, горячая, почти обжигающая благодарность, смешанная с чем-то, что она боялась назвать даже про себя. Она подняла голову, посмотрела на Адама и вдруг увидела его совсем иначе: не как тихого парня, который всегда сидел чуть в стороне, а как человека, готового шагнуть в темноту ради неё. — Ты сумасшедший, — прошептала она, и её голос дрожал, но уже не от страха. — Ты только что кричал на... на это. Он криво усмехнулся, и в этой усмешке было столько напряжения, что она поняла: он тоже едва держится. — А что мне оставалось делать? Ждать, пока оно подойдёт ближе? Оливия не успела ответить. Что-то внутри неё, что долго сжималось в тугой узел, вдруг лопнуло, и вместо слов она сделала то, чего не делала никогда раньше: потянулась к нему и прижалась лбом к его плечу, позволяя себе быть слабой хоть на одну минуту. Адам замер на секунду, а потом осторожно, будто боялся спугнуть, обнял её, зарывшись лицом в её волосы. — Прости, — пробормотал он. — Прости, что втянул тебя в это. Я... я что-то чувствую, когда ты рядом. Не знаю, что это, но мне кажется, что я должен тебя защищать. Даже если я сам не понимаю, от чего. Оливия подняла голову и посмотрела ему в глаза. В них было столько тревоги, столько отчаянной надежды, что она вдруг поняла: она не просто поддаётся его заботе — она хочет быть той, ради кого он готов сражаться с тенью. — Ты меня не втягивал, — тихо сказала она. — Но я рада, что ты здесь. Он улыбнулся — на этот раз по-настоящему, без напряжения, — и в этой улыбке было столько тепла, что туман вокруг будто стал чуть менее густым. — Тогда давай зайдём внутрь. И, может быть, ты расскажешь мне всё с самого начала. Про туман. Про то, что ты чувствовала. Про всё. Оливия кивнула, и на этот раз её рука сама нашла его ладонь. — Расскажу, — пообещала она. — Только сначала... можно я ещё немного постою вот так? Просто чтобы убедиться, что мы действительно в безопасности. Адам прижал её к себе чуть крепче, и они стояли так, посреди пустынной улицы, пока туман медленно оседал на асфальт, оставляя после себя только мокрые следы и ощущение, что ночь ещё не закончилась, но худшее, возможно, уже позади. Они зашли в квартиру. Дверь тихо щёлкнула, отрезая их от улицы, от тумана, от той неестественно вытянутой тени. В квартире пахло ванилью и старым деревом — привычный запах дома, который сейчас казался почти нереальным, будто Оливия шагнула в другой мир. Адам замер у порога, оглядываясь, будто пытался понять, безопасно ли здесь, или тьма просочилась следом за ними. — Можно... ты побудешь со мной, пока я не усну? — голос Оливии прозвучал неожиданно тихо, почти шёпотом. Она опустила глаза, пряча взгляд, но тут же снова подняла его, прямо на Адама, и в этом взгляде не было усталости — только напряжённая, звенящая энергия. — Просто... не хочу быть одна. Он хотел кивнуть, хотел сказать привычное «конечно», но что-то в её лице остановило его. В ней не было той покорной уязвимости, которую он видел на улице. Сейчас она была как натянутая струна — готовая сорваться. — Я останусь, — твёрдо сказал он. — Хоть до утра. Хоть пока не рассветет. Оливия едва заметно улыбнулась, но улыбка не коснулась её глаз. Она шагнула к нему, медленно, будто проверяя, не оттолкнёт ли он. И когда между ними осталось всего пол-

шага, она вдруг протянула руку и коснулась его щеки — так осторожно, словно боялась, что он исчезнет, если она надавит чуть сильнее. А потом она поцеловала его. Это не был робкий, неуверенный поцелуй — в нём была отчаянная потребность, как будто она пыталась доказать себе, что мир всё ещё тёплый, всё ещё настоящий, что между ней и тьмой есть что-то, что может её удержать. Адам на секунду замер, ошеломлённый, а потом его руки сами собой легли ей на талию, притягивая ближе, словно он боялся, что это мгновение растворится, как туман под первыми лучами солнца. Он целовал её в ответ — жадно, отчаянно, будто хотел забрать себе весь её страх, всю эту звенящую тревогу и спрятать где-то глубоко внутри, чтобы она больше никогда не чувствовала её. Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали, а в глазах у Адама читалось смятение пополам с решимостью. — Прости, — выдохнул он, но тут же покачал головой. — Нет, не прости. Я не хочу извиняться за это. Просто скажи мне... ты ведь не собиралась спать, правда? Оливия покачала головой, прижимаясь лбом к его плечу. — Не собиралась, — призналась она. — Я просто хотела, чтобы ты был рядом. А потом... потом поняла, что слов недостаточно. Что мне нужно почувствовать, что ты настоящий. Что ты не исчезнешь, как та тень. Он обнял её крепче, зарываясь лицом в её волосы. — Я не исчезну, — прошептал он. — Даже если весь город утонет в этом тумане, я буду здесь. Оливия подняла голову, вглядываясь в его лицо, будто пыталась запомнить каждую черту. — Тогда помоги мне разобраться, — сказала она, голос её дрожал, но в нём появилась твёрдость. — Расскажи, что ты думаешь обо всём этом. О тени. О том, что происходит. Потому что я больше не хочу прятаться за «всё в порядке». Я хочу знать, что мы делаем. Адам медленно кивнул, провёл большим пальцем по её скуле, словно убеждаясь, что она действительно здесь, перед ним. — Хорошо, — тихо сказал он. — Мы разберёмся. Вместе. Но сначала... давай хотя бы на минуту притворимся, что за этой дверью ничего нет. Что есть только мы и эта квартира. И этот запах ванили, который почему-то пахнет как дом. Оливия слабо улыбнулась и потянула его за руку вглубь комнаты, к дивану, где на спинке висел её любимый плед. — На минуту, — согласилась она. — А потом мы составим план. Но пока... просто посиди со мной. Держи меня. И не отпускай. Он сел рядом, притянул её к себе, укрыл пледом, и она устроилась у него на плече, закрыв глаза, но не для сна — а чтобы на одну минуту позволить себе поверить, что рядом есть кто-то, кто не даст тьме подойти ближе. И в этот момент где-то в глубине квартиры тихо щёлкнуло — будто кто-то повернул ручку на кухне. Или просто старый дом вздохнул в тишине. Оливия резко подняла голову. — Ты слышал? Адам напрягся, его рука крепче сжала её плечо. — Слышал, — тихо ответил он. — Но я с тобой. Что бы там ни было, я с тобой. Она кивнула, сжимая пальцами ткань его куртки, и в её взгляде уже не было паники — только холодная решимость. — Тогда пойдём посмотрим, — сказала она. — Потому что прятаться я больше не буду. Адам медленно кивнул, не выпуская Оливию из кольца рук, будто хотел ещё хоть секунду удержать её в этом хрупком островке покоя. Но в его глазах уже не было колебаний — только собранная, стальная готовность. — Держись за меня, — тихо сказал он, и голос его звучал непривычно твёрдо. — Если что-то покажется странным — сразу скажи. Или просто сожми руку. Я пойму. Оливия кивнула, глубоко втянула воздух, словно набираясь смелости, и крепче вцепилась в его куртку. Её пальцы дрожали, но в самой осанке уже не было прежней растерянности — она выпрямилась, будто сама себе наредила: прятаться больше не будет. Они встали с дивана, и в тишине квартиры каждый шаг отдавался гулким эхом. Они двинулись по коридору — медленно, почти бесшумно, будто боялись спугнуть тишину, которая теперь казалась не спокойной, а насторожённой, выжидающей. Свет из гостиной тянулся за ними узкой полосой, и с каждым шагом тьма впереди будто становилась плотнее, словно впитывала этот свет, не давая ему проникнуть дальше. Адам шёл первым, прикрывая Оливию собой, но она не пряталась.

Вместо этого она вытянула руку и нащупала его пальцы, крепко сжала — не от страха, а чтобы он чувствовал: она рядом, она не отступит. — Кухня справа, — прошептала Оливия,

будто сама себе напоминая, что знает этот дом. — Там всегда скрипит половица у порога. И ручка у холодильника... она иногда щёлкает сама по себе. Это старый механизм. Адам коротко кивнул, не сводя взгляда с тёмного проёма впереди. — Значит, если щёлкнуло не у холодильника, значит, это не механизм, — так же тихо ответил он. Они подошли ближе. В темноте угадывались очертания мебели: стол у окна, стулья, шкаф вдоль стены. И в этом полумраке что-то было не так — не звук, а ощущение, будто воздух стал тяжелее, будто в комнате стоял кто-то ещё, кто умел сливаться с тенями. Оливия вдруг замерла, резко втянув воздух. — Пахнет... — она запнулась, пытаясь подобрать слово. — Не ванилью. Не деревом. Это... как озон после грозы. И ещё... горечь. Как будто что-то горело. Адам напрягся, его пальцы на её руке стали твёрже. — Стой здесь, — прошептал он, но Оливия покачала головой, даже не глядя на него. — Нет. Если ты пойдёшь один, я сойду с ума от ожидания. Я пойду с тобой. Шаг в шаг. Он хотел возразить, но увидел в её глазах не панику, а упрямую собранность — и понял: спорить бесполезно. Она не отступит. Они сделали ещё несколько шагов и оказались на пороге кухни. Адам протянул руку и щёлкнул выключателем. Свет вспыхнул — резкий, слишком яркий после темноты, и на долю секунды всё показалось нормальным: холодильник, раковина, кружка на столе, забытая с утра. Но потом свет скользнул по стене — и Оливия тихо охнула. На обоях, прямо над кухонным столом, темнели странные узоры — тонкие, извилистые линии, будто кто-то провёл по стене мокрым пальцем, а потом они застыли, превратившись в тёмные прожилки. И эти линии складывались в рисунок, который не мог появиться сам по себе: спираль, внутри которой угадывались крошечные символы, похожие на руны. — Это... — Оливия не договорила, её голос дрогнул. — Этого здесь не было. Я бы заметила. Адам медленно приблизился, не выпуская её руку, и наклонился, чтобы рассмотреть узоры поближе. Он провёл пальцем по одной из линий — и тут же отдернул руку, будто обжёгся. На коже остался тонкий тёмный след, похожий на сажу, но он не стирался. — Не трогай, — резко сказал Адам, и в его голосе впервые прозвучала настоящая, ледяная ярость. — Это не просто грязь. Оливия посмотрела на него, и в этот момент её осенило. — Ты знаешь, что это, — тихо сказала она, и это не было вопросом. — Ты что-то знаешь. Адам на секунду закрыл глаза, будто собираясь с силами, а потом посмотрел на неё прямо, без попыток спрятать правду. — Я не всё тебе рассказывал, — признался он, и голос его звучал непривычно жёстко. — У моей семьи... есть история. Старая. Про эти места. Про туман. Про то, что иногда город будто приоткрывает какую-то дверь, и оттуда просачивается... что-то. Мои дед и отец говорили, что некоторые люди могут чувствовать это. А некоторые — притягивать. Оливия побледнела. — Притягивать? — повторила она. — Ты хочешь сказать, что это изза меня? — Не изза тебя, — быстро, почти резко поправил он. — Изза того, что в тебе есть что-то... особенное. Что-то, что делает тебя заметной для этого. Я пытался держаться подальше, честно. Но не смог. А теперь понимаю, почему. Она хотела отступить, хотела сказать, что это бред, но вместо этого вспомнила все эти странные ощущения за последние дни: чувство, будто за ней следят, внезапные приступы холода, тени, которые двигались не так, как должны двигаться тени. И поняла: он не врёт. В его глазах не было ни капли лжи — только тяжесть от того, что он наконец произнёс это вслух. — Что нам делать? — спросила она, и на этот раз в её голосе не было дрожи — только холодная ясность. Адам посмотрел на узоры на стене, потом снова на неё. — Сначала уберём тебя отсюда, — твёрдо сказал он. — Но не в кафе, не к друзьям. Туда оно тоже может дотянуться. Есть одно место. Старый дом на окраине, где мой дед хранил книги. Там... там есть защита. Не идеальная, но лучше, чем ничего. Оливия кивнула, уже не пытаясь притворяться, что всё под контролем. — Тогда идём, — сказала она. — Прямо сейчас. Они развернулись, чтобы выйти, но в этот момент дверь на кухню тихо, почти нежно щёлкнула, закрываясь сама по себе. Оливия вздрогнула, а Адам рванулся вперёд, дёргая ручку — но та не поддавалась. — Эй! — крикнул он, ударяя ладонью по дереву. — Открой! Тишина ответила ему насмешливым эхом. А потом из-за двери донёсся звук — не скрип, не шорох, а тихий, едва уловимый смех, будто

кто-то стоял по ту сторону и слушал, как они пытаются вырваться. Оливия прижалась спиной к стене, чувствуя, как холод ползёт по позвоночнику. Но в этот раз она не закрыла глаза. Вместо этого она посмотрела на Адама и сказала: — Если мы не можем выйти, значит, будем держаться здесь. Пока ты расскажешь мне всё. Каждую деталь. Даже самую безумную. Потому что я больше не хочу быть в неведении. Адам кивнул, его взгляд стал твёрдым, почти жёстким. — Хорошо, — сказал он. — Тогда слушай. И не перебивай. Потому что времени у нас, возможно, меньше, чем кажется. И он начал говорить — о старых легендах, о том, как город когда-то стоял на месте древнего разлома, о людях, которые умели закрывать такие разломы, и о том, почему его семья всегда держалась в стороне. А Оливия слушала, не сводя с него глаз, и понимала: теперь они связаны не только страхом и этой ночью. Теперь между ними была общая тайна — и общая опасность, которую они должны встретить вместе. Адам говорил быстро, будто боялся, что звук его голоса вот-вот сорвётся, растворится в этой неестественно густой тишине. — Мой дед говорил, что разлом не исчезает, — шептал он, не сводя глаз с закрытой двери. — Он просто засыпает. И просыпается, когда что-то нарушает равновесие. Туман — это его дыхание. А тени... тени — это те, кто пришёл посмотреть, как мы ломаемся от страха. Оливия стояла, прижавшись спиной к стене, и пыталась удержать в голове каждое слово, не дать ему рассыпаться в панике. — И что нарушает равновесие? — спросила она, и собственный голос показался ей чужим, слишком ровным, будто она надевала маску спокойствия, чтобы не развалиться. Адам на секунду запнулся, посмотрел на неё так, словно решал, стоит ли говорить правду до конца. — Сильные эмоции, — наконец произнёс он. — Страх. Боль. Но ещё... привязанность. То, что цепляет сильнее всего. Когда кто-то готов шагнуть в темноту ради другого — разлом это чувствует. Это как маяк. Оливия вдруг вспомнила, как сама схватила его за руку у кафе, как прижалась к нему, будто только его тепло могло удержать её в этом мире. И холод, который уже стал привычным, теперь пробрал до костей. — Значит, это я... я привела его сюда, — прошептала она, и в груди что-то сжалось, как от удара. — Я сделала нас мишенью. Адам шагнул к ней, резко, порывисто, и взял её лицо в ладони — так крепко, что она почувствовала тепло его рук, живое, настоящее. — Нет, — сказал он твёрдо, почти грубо. — Не ты. Мы. Это всегда «мы», когда кто-то решается не бросать другого в темноте. Ты не виновата. Но теперь мы знаем, почему оно пришло. И значит, можем придумать, как его остановить. Он отпустил её, быстро, будто сам испугался собственной резкости, и снова обернулся к двери, словно пытался взглядом прожечь в ней дыру. — Дед оставил кое-что в том доме на окраине, — пробормотал он, будто рассуждая вслух. — Книгу. В ней были слова... не заклинания, нет, скорее ключи. Фразы, которые закрывают разломы. Но я никогда не думал, что придётся их использовать. Оливия сжала кулаки, чувствуя, как внутри поднимается упрямое, горячее сопротивление страху. — Тогда нам нужно туда попасть, — сказала она. — Прямо сейчас. Даже если придётся выбивать эту дверь. Адам уже тянулся к тяжёлой чугунной подставке для зонтов, стоявшей у входа на кухню, когда дверь вдруг тихо щёлкнула и распахнулась сама — так легко, будто её и не заклинивало вовсе. В коридоре снова стояла тишина, но теперь она казалась не выжидающей, а насмешливой. — Оно играет с нами, — выдохнул Адам, и в его голосе прозвучала злость, которая была куда страшнее страха. — Даёт ложное чувство, что путь свободен. Оливия кивнула, не пытаясь спорить. — Значит, не будем верить в лёгкость, — сказала она, делая шаг вперёд. — Будем ждать подвоха на каждом повороте. Они вышли из кухни, и в тот же миг свет в коридоре мигнул — один раз, второй, а потом погас окончательно, погружая квартиру в темноту. Но прежде чем тьма успела сомкнуться, Оливия заметила на стене у входной двери тонкую светящуюся линию — будто кто-то провёл по обоям раскалённой иглой. Линия извивалась, складываясь в тот же узор, что и на кухне, только теперь он двигался, пульсировал, как живая вена. — Не смотри на это, — резко сказал Адам, хватая её за руку. — Не позволяй ему зацепиться за твой взгляд. Но было поздно. В тот момент, когда она увидела узор, в голове у Оливии вспыхнуло чужое воспоминание — не её, слишком острое, слишком

холодное: старая водонапорная башня, сырость, запах ржавчины, и чьи-то пальцы, сжимающие её запястье. Она вздрогнула, пытаясь стряхнуть наваждение, но картинка не исчезала. — Я видела башню, — выдохнула она, глядя на Адама широко раскрытыми глазами. — Ту, про которую говорила Клер. Девушку... её там держали. Адам побледнел. — Разлом не просто показывает страхи, — прошептал он. — Он показывает правду. То, что прячется в темноте. Значит, башня — это его логово. Или один из входов. Оливия почувствовала, как внутри что-то встаёт на место — не спокойствие, нет, но холодная, острая ясность. — Тогда мы пойдём туда, — сказала она твёрдо. — Не за книгой. Сначала за девушкой. Если она ещё жива, мы должны её вытащить. А потом закроем разлом. Адам хотел возразить, она видела это по его лицу — он хотел сказать «нет», хотел увести её в безопасное место, спрятать, защитить любой ценой. Но вместо этого он медленно кивнул. — Ты сумасшедшая, — тихо сказал он, и в его голосе звучало восхищение пополам с ужасом. — Но, наверное, именно такая смелость и нужна, чтобы не сломаться. Они двинулись к выходу, и когда Адам потянулся к замку, Оливия вдруг схватила его за рукав. — Подожди, — прошептала она. — Сначала скажи мне: если мы не вернёмся... если это заберёт нас... я хочу, чтобы ты знал. Ты был тем, кто не дал мне поверить, что я совсем одна. Адам замер, потом медленно повернулся к ней. В темноте его глаза казались почти чёрными, но в них горел такой огонь, что Оливии вдруг стало не страшно. — Мы вернёмся, — сказал он, и это прозвучало как клятва. — И ты расскажешь мне это снова, когда туман рассеется, а город станет обычным. Договорились? Она слабо улыбнулась. — Договорилась. Замок щёлкнул, дверь распахнулась, и вместо привычной лестничной клетки их встретила стена тумана — густого, молочного, будто кто-то вылил в подъезд целое море дыма. Но в нём, далеко внизу, мерцал одинокий жёлтый огонёк — фонарь у подъезда. И этот свет казался сейчас самым важным на свете. — Держись за меня, — сказал Адам, протягивая руку. Оливия вложила свою ладонь в его, крепко, до побеления костяшек, и они шагнули в туман. Спуск по лестнице превратился в испытание: каждая ступенька казалась ловушкой, каждый шорох — шагом невидимого преследователя. Но они шли, не останавливаясь, пока не оказались у выхода. Адам толкнул дверь, и та поддалась с протяжным скрипом, выпуская их на улицу. Холод ударил в лицо, туман облепил кожу, но Оливия не чувствовала его. Она смотрела вперёд, туда, где сквозь серую пелену проступали очертания водонапорной башни — высокой, угловатой, с ржавыми лестницами, цепляющимися за небо, как когти. — Туда, — сказала она, кивая в сторону башни. Адам сжал её руку чуть крепче. — Да, — ответил он. — Туда. И они пошли, сквозь туман, сквозь тишину, которая теперь казалась не пустой, а наполненной тысячами чужих взглядов. И с каждым шагом Оливия чувствовала, как страх отступает перед чем-то более сильным — перед решимостью, перед тем, что рядом есть кто-то, кто не отпустит её руку, даже если весь мир растворится в этом сером молоке. Туман цеплялся за ржавые балки водонапорной башни, будто не хотел подпускать к ней ни единого луча света. Даже одинокий фонарь у подъезда остался где-то позади, растворился в серой пелене, и теперь единственным ориентиром была сама башня — громоздкая, угловатая, с лестницами, похожими на когти, впившиеся в небо. Оливия шла, не отпуская руку Адама, но теперь это было не столько от страха, сколько от необходимости: каждый шаг по скользкому асфальту грозил падением, а туман делал пространство зыбким, ненадёжным, будто город вот-вот мог сдвинуться с места и поменять очертания. — Когда мой дед говорил про разлом, — тихо произнёс Адам, будто боялся, что слова могут привлечь внимание, — он всегда упоминал башню. Говорил, что она стоит на месте старого колодца. А колодцы, по старым поверьям, были воротами. Оливия покосилась на него. — Воротами куда? Адам помолчал, подбирая слова. — Туда, где нет времени. Где прошлое и будущее лежат рядом, как страницы в книге. И если кто-то умеет читать эти страницы... он может вытаскивать оттуда то, что давно должно было остаться в темноте. Они подошли ближе, и башня предстала во всей своей пугающей монументальности. Ржавчина покрывала металл бурыми пятнами, похожими на засохшую кровь, а в узких щелях

между листами обшивки шевелился туман, будто внутри что-то дышало. Адам остановился у основания лестницы, вглядываясь в тёмный проём входа. — Здесь всегда было странно, — прошептал он. — В детстве мы с ребятами подходили к башне только днём, и то держались на расстоянии. Говорили, что если долго смотреть на бак сверху, можно увидеть своё будущее. Или то, чего ты боишься больше всего. Никто не хотел проверять. Оливия сжала его руку крепче. — Значит, мы проверим сейчас. Он криво усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. — Ты пугаешь даже мои детские страхи. Они начали подниматься. Ступени скрипели под ногами, каждый звук отдавался в тишине, как удар молотка. Чем выше они поднимались, тем плотнее становился туман — он уже не стелился по земле, а тянулся вверх, обвивая перила, проникая под одежду, оседая на коже холодной влагой. На площадке перед входом в бак Оливия остановилась. Дверь была приоткрыта, и из щели сочилась тьма — не обычная ночная темнота, а густая, маслянистая, будто она имела вес и могла придавить к полу. — Там, — прошептала Оливия, кивая на щель. — Я чувствую... как будто там кто-то есть. Не тень. Живой. Адам кивнул, будто ждал этого. — Пропавшая девушка. Если она здесь, значит, башня — не просто ворота. Она — ловушка. Разлом держит то, что ему нужно, чтобы оставаться открытым. Оливия посмотрела на него, и в её взгляде было столько решимости, что Адам на секунду забыл, что они стоят на ржавой площадке, над пропастью, в окружении тумана, который, казалось, жил своей жизнью. — Тогда мы её вытащим, — сказала она. — И закроем эту дверь. Она потянулась к двери, собираясь толкнуть её шире, но Адам вдруг схватил её за запястье — не грубо, но твёрдо. — Подожди, — выдохнул он. — Есть правило. Дед говорил: никогда не входи в такие места первым шагом правой ногой. Считалось, что правая нога ведёт к свету, а левая — в темноту. Но если ты делаешь первый шаг правой, тьма думает, что ты пришёл к ней добровольно. Оливия замерла, потом медленно опустила правую ногу и сделала шаг левой. Дверь распахнулась шире, и тьма на мгновение отступила, будто удивилась. Внутри было холодно. Холод здесь был не уличный, не от ветра, а какой-то внутренний, будто сама конструкция башни впитывала тепло и не отдавала его обратно. В центре помещения, под баком, на полу темнели те же узоры, что и в квартире Оливии, — спирали, руны, тонкие линии, которые пульсировали, словно под кожей. А в самом центре, прижавшись спиной к ржавой стене, сидела девушка. Её волосы были спутанными, лицо бледным, почти прозрачным, а глаза — широко раскрытыми, будто она видела что-то, чего не могли видеть другие. Когда Оливия шагнула к ней, девушка вздрогнула и подняла взгляд. — Не подходите, — прошептала она, голос звучал так, будто слова царапали горло. — Оно не любит, когда их двое. Оно выбирает. Оливия опустилась рядом с ней на корточки, не сводя с неё глаз. — Как тебя зовут? — мягко спросила она. — Лия, — выдохнула девушка. — Они сказали, что я должна ждать. Что кто-то придёт. Но я не знала, что это будете вы. Адам подошёл ближе, оглядывая помещение, будто искал ловушку. — Кто сказал? — спросил он. Лия покачала головой, её взгляд метался по стенам, по узорам, будто она боялась, что они оживут и схватят её. — Те, кто шепчет. Они приходят, когда гаснет свет. Говорят, что башня помнит всё. Даже то, чего ещё не было. Оливия почувствовала, как внутри всё сжимается от понимания. — Она не просто ловушка, — тихо сказала она, глядя на Адама. — Она — память. Разлом использует её, чтобы хранить то, что ему нужно. А Лия... она стала частью этой памяти. Адам стиснул кулаки, его лицо стало жёстким. — Тогда мы заберём её отсюда. Прямо сейчас. Он протянул руку Лие, но та отшатнулась, прижимая колени к груди. — Нельзя, — прошептала она. — Если я встану, оно поймёт, что я хочу уйти. И тогда оно придёт за кем-то другим. За тем, кто мне дорог. Оливия вдруг вспомнила сообщения Мелиссы, её настойчивые просьбы вернуться. И поняла: Лия не просто боялась. Она защищала кого-то. — Скажи мне, кого ты боишься потерять, — тихо произнесла Оливия. — Может быть, мы сможем защитить и его, и тебя. Лия подняла на неё глаза, в них плескался такой ужас, что Оливии стало больно. — Моего брата, — выдохнула она. — Его зовут Дэн. Он ищет меня. И если он придёт сюда... оно заберёт его вместо меня. Адам вдруг замер, будто

что-то вспомнил. — Дэн... — повторил он. — Парень с района, который спрашивал у всех про Лию. Я видел его вчера у кафе. Он был... не в себе. Будто знал, что что-то не так. Оливия резко выпрямилась. — Значит, у нас нет времени, — сказала она, голос её звучал твёрдо. — Если Дэн придёт сюда, разлом заберёт и его. Мы должны вывести Лию и закрыть башню. Сейчас. Лия снова покачала головой, но в её глазах мелькнула искра надежды — слабая, дрожащая, но настоящая. — Но как? — прошептала она. — Оно не выпустит меня. Оно держит меня здесь, потому что я видела. Я видела, как оно приходит. Видела его лицо. Адам шагнул ближе, опустился на одно колено, чтобы быть на одном уровне с Лией, и посмотрел ей прямо в глаза. — Ты видела его, — спокойно сказал он. — А значит, ты знаешь, как он выглядит. И это даёт тебе силу. В старых легендах говорилось, что тот, кто увидел лицо тьмы, может назвать её по имени. А названное теряет власть. Лия вздрогнула. — Я не помню имени, — прошептала она. — Только лицо. Оно было... как тень, но с глазами. И эти глаза смотрели сквозь меня. Оливия вдруг поняла, что узоры на полу начали пульсировать быстрее, линии стали ярче, будто башня почувствовала их разговор и пыталась заглушить его. — Нам нужно уходить, — резко сказала она. — Прямо сейчас. Лия, встань. Держи меня за руку. Не смотри на узоры. Смотри только на меня. Лия медленно, дрожащими пальцами, ухватила за её руку. Адам встал с другой стороны, готовый подхватить, если она упадёт. — На счёт три, — сказал он. — Один... два... Но на «три» не хватило времени. Узоры на полу вдруг вспыхнули ослепительным светом, не тёплым, а ледяным, и воздух в помещении стал густым, как смола. Из темноты, со стороны бака, выступила тень — та самая, неестественно вытянутая, с пальцами, похожими на осколки стекла. И теперь Оливия видела её лицо: не черты, а пустоту, в которой кружились чужие страхи. Тень подняла руку, и Лия закричала — не от боли, а от ужаса, который был старше любого из них. — Оно знает, — выдохнула она. — Оно знает, что я хочу уйти! Адам рванулся вперёд, закрывая собой и Лию, и Оливию, и в этот момент Оливия поняла: он не просто защищал их. Он жертвовал собой, чтобы дать им шанс. — Нет! — крикнула она, хватая его за плечо. — Не делай этого! Тень замерла. И в этой тишине прозвучал другой звук — не шёпот, не крик, а голос, низкий и спокойный, будто он шёл из самой земли: — Вы пришли не за памятью. Вы пришли за жизнью. Это меняет правила. Все трое замерли. Голос не принадлежал ни тени, ни человеку. Он был старше башни, старше города. — Кто ты? — выдохнул Адам. — Тот, кто держал дверь закрытой, пока она не проржавела, — ответил голос. — Теперь она открывается слишком легко. И то, что приходит изза неё, уже не слушается ничьих правил. Оливия шагнула вперёд, не выпуская руки Лии. — Помоги нам, — сказала она. — Помоги вывести её. А мы... мы найдём способ закрыть дверь снова. Тень медленно опустила руку. И в этом жесте было не поражение, а признание. — Дверь закрывается не силой, — произнёс голос. — Она закрывается жертвой. Не смертью. Отказом. Тем, что ты отдаёшь добровольно. Адам посмотрел на Оливию, и в его взгляде было столько боли и решимости, что она поняла: он уже знал, о чём речь. — Моя семья держала эту дверь, — тихо сказал он. — И теперь мой черёд. Но не сегодня. Сегодня я выведу их. А потом... потом я вернусь. Оливия хотела возразить, хотела сказать, что не позволит ему жертвовать собой, но Лия вдруг сжала её пальцы так крепко, что стало больно. — Бегите, — прошептала она. — Пока оно слушает. Пока есть шанс. И они побежали. Сквозь вспыхивающие узоры, мимо застывшей тени, вниз по лестнице, прочь от башни, прочь от голоса, который знал слишком много. Туман встретил их, как враг, но теперь в нём не было той густой, давящей тьмы — он стал просто сыростью, просто погодой. Когда они оказались на земле, Лия упала на колени, жадно глотая воздух, а Оливия и Адам стояли рядом, тяжело дыша, будто только что вырвались из кошмара, который мог длиться вечно. — Мы сделали это, — прошептала Оливия, глядя на башню, которая теперь казалась просто старым, заброшенным строением. — Мы вывели её. Адам медленно кивнул, но в его глазах не было облегчения. — Да, — тихо сказал он. — Но дверь всё ещё открыта. И я знаю, что однажды мне придётся вернуться, чтобы закрыть её. Навсегда. Оливия повернулась к нему,

взяла его лицо в ладони, заставляя посмотреть на себя. — Не один, — твёрдо сказала она. — Ты не пойдёшь туда один. Мы найдём другой способ. Вместе. Он слабо улыбнулся, и в этой улыбке было столько благодарности, что у Оливии защемило сердце. — Спасибо, — прошептал он. — За то, что не дала мне сделать это в одиночку. Лия поднялась, вытирая слёзы, и посмотрела на них обоих. — Теперь я знаю, — тихо сказала она. — Что не все тени хотят забрать тебя. Некоторые... помогают удержаться на свету. Туман медленно рассеивался, открывая очертания улиц, знакомых домов, фонарей. Город снова становился обычным. Но Оливия знала: он никогда не будет прежним. Потому что теперь она видела то, что пряталось за фасадами, и знала, что иногда свет — это не отсутствие тьмы, а решение не отступать перед ней. Туман рассеивался, но не так, как рассеивается утренний пар — не мягко, не естественно. Он будто отступал неохотно, цепляясь за углы домов, за перила лестниц, за провода, словно не хотел отпускать город обратно в привычную реальность. И в этой задержке было что-то зловещее: будто сама тьма не сдавалась, а лишь переводила дыхание. Оливия всё ещё держала Адама за руку — не для опоры, а чтобы убедиться, что он настоящий, что это не очередной обман башни, не иллюзия, сотканная из чужих страхов. Пальцы у него были ледяными, и она сжала их крепче, пытаясь передать хоть немного своего тепла. — Мы вывели её, — повторила Оливия, будто произнося эти слова вслух, могла сделать их правдой. — Мы сделали это. Адам не ответил сразу. Он не сводил глаз с башни. Даже теперь, когда она выглядела просто ржавым каркасом, в её очертаниях сквозило что-то неправильное — будто она стояла не совсем в этом мире, а чуть сбоку, на миллиметр не совпадая с реальностью. — Дверь всё ещё открыта, — тихо сказал он, и в его голосе не было пафоса, только холодная, горькая ясность. — Башня не перестала быть воротами. Она просто... притворилась, что стала обычной. Лия, стоявшая чуть поодаль, вдруг резко подняла голову, будто услышала что-то, недоступное другим. Её глаза расширились, а пальцы судорожно вцепились в край куртки. — Он идёт, — прошептала она, голос дрожал, но в нём не было паники — только абсолютная, выжженная уверенность. — Дэн. Он идёт сюда. Я чувствую это. Как будто... как будто я всё ещё привязана к нему. Оливия похолодела. — Что значит «идёт»? — переспросила она, хотя уже знала ответ. — Ты имеешь в виду, что он сейчас... — Идёт по моему следу, — выдохнула Лия. — Разлом оставил его мне как приманку. Он думает, что я не смогу не ждать. Что я не смогу не надеяться. Адам выругался сквозь зубы, резко развернулся, будто хотел броситься обратно к башне, а потом замер, осознавая, что бежать некуда. — Если он придёт сюда, — сказал он, глядя на Лию так, словно пытался силой мысли удержать её на месте, — разлом заберёт его. Или сделает хуже. Иногда оно не просто забирает. Оно... меняет. Оливия вдруг вспомнила тень с пальцами-осколками, её неестественно вытянутые очертания, и её передёрнуло. — Тогда мы должны его перехватить, — решительно сказала она. — Не дать ему подойти к башне. Где он может быть? Лия закрыла глаза, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, и вдруг побледнела ещё сильнее. — На мосту, — прошептала она. — Там, где рельсы старого трамвая уходят в пустоту. Он всегда ходил туда, когда хотел подумать. А теперь... теперь он идёт туда, потому что чувствует, что я где-то рядом. Адам кивнул, будто это место имело для него какой-то свой, скрытый смысл. — Старый трамвайный мост, — пробормотал он. — Он стоит на линии разлома. Если Дэн выйдет на середину, башня сможет дотянуться до него напрямую. Время будто сжалось, превратившись в тугую пружину. Каждая секунда звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть. — Сколько у нас есть? — спросила Оливия, уже срываясь на бег, таща за собой Адама, подталкивая Лию. — Минуты, — коротко бросил Адам. — Если не меньше. Они рванулись вперёд, прочь от башни, по улицам, которые теперь казались чужими, будто город успел перестроиться за те несколько минут, что они провели внутри. Фонари горели тускло, свет дробился в остатках тумана, и тени вдоль стен двигались не в такт шагам — они опережали, скользили вперёд, как будто показывали дорогу... или заманивали в ловушку. На перекрёстке Оливия резко остановилась, хватая Адама за плечо. — Смотри,

— прошептала она, указывая на асфальт. Там, прямо на мокром бетоне, проступали те же узоры — тонкие, извилистые линии, складывающиеся в спирали. Они не были нарисованы, они словно проступали изнутри, как вены под кожей, и медленно, почти незаметно, двигались, тянулись в одном направлении — к мосту. — Это его след, — выдохнул Адам. — След разлома. Он уже здесь. Он уже тянется к Дэну. Лия всхлипнула, но тут же сжала кулаки, подавляя панику. — Тогда бегите, — сказала она, голос её дрожал, но в нём появилась твёрдость. — Я знаю этот район лучше вас. Я пойду другой дорогой, срежу через дворы. Если я появлюсь там... может, оно отвлечётся на меня. И у вас будет шанс добраться до Дэна первым. Адам хотел возразить, но Лия уже рванулась в сторону, нырнув в тёмный проход между домами, и исчезла в полумраке. — Она сумасшедшая, — прошептал Адам, но в его голосе звучало не осуждение, а восхищение, смешанное с ужасом. — Как и мы, — бросила Оливия, хватая его за руку. — Пошли. Мост показался впереди — длинная, изогнутая арка, нависающая над заброшенным руслом реки. Рельсы старого трамвая уходили в темноту, обрываясь в пустоте, и казалось, что мост ведёт не на другой берег, а в никуда. На середине арки, едва различимая в сгустившихся сумерках, стояла одинокая фигура. — Дэн, — выдохнула Оливия. Он стоял, слегка наклонившись вперёд, будто вглядывался во что-то невидимое, и его плечи вздрагивали — то ли от ветра, то ли от страха. — Он уже чувствует, — хрипло сказал Адам. — Оно уже касается его. Они выбежали на подъезд к мосту, и в тот же миг воздух вокруг стал густым, как вода, замедляя движения, заставляя каждый шаг даваться с усилием. Оливия чувствовала, как тьма давит на грудь, как будто сама реальность сопротивлялась их приближению. Дэн вдруг поднял голову. Его глаза были широко раскрыты, но взгляд был пустым, будто он смотрел не на них, а сквозь них, в какую-то другую сторону, куда обычным людям смотреть не положено. — Лия? — позвал он, голос звучал странно, как будто доносился издалека, сквозь толщу воды. — Я слышу тебя. Ты здесь? Адам рванулся вперёд, но Оливия схватила его за рукав, удерживая. — Стой, — прошептала она. — Если ты выйдешь на мост, оно почувствует и тебя. Оно питается страхом и привязанностью. Чем ближе ты будешь, тем сильнее оно потянет. Адам замер, тяжело дыша, его пальцы судорожно сжимали её руку. — Тогда что нам делать? — прошипел он. — Смотреть, как оно забирает его? Оливия закрыла глаза на секунду, вспоминая голос из башни: «Дверь закрывается жертвой. Не смертью. Отказом. Тем, что ты отдаёшь добровольно». — Нам не нужно сражаться с ним, — вдруг сказала она, открывая глаза. — Нам нужно... обмануть его. Заставить поверить, что мы готовы отдать то, что ему нужно. Адам посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло понимание. — Ты хочешь предложить себя в обмен, — тихо произнёс он, и от этой догадки его лицо исказилось болью. — Нет. — Не я, — покачала головой Оливия. — То, что оно хочет больше всего. Страх. Привязанность. Мы должны сделать вид, что готовы отказаться от того, что держит нас здесь. Она шагнула вперёд, на самый край моста, но не на саму арку, а туда, где асфальт ещё был твёрдым, реальным. И громко, так, чтобы эхо разнесло её слова по пустоте, крикнула: — Я отпускаю! Слышишь? Я отпускаю страх! Я отпускаю надежду! Пусть Лия будет свободна! Пусть Дэн будет свободен! Я не буду цепляться! Слова ударились о металлические балки моста и рассыпались звенящим эхом. И на мгновение всё замерло — даже ветер стих, даже туман перестал двигаться. Дэн моргнул, будто что-то вернулось на место, и его взгляд стал чуть яснее. — Кто... кто это? — прошептал он. Адам воспользовался этой секундой. Он рванулся вперёд, быстрее, чем Оливия успела его остановить, и схватил Дэна за руку, дёргая его назад, прочь с середины арки. — Беги! — крикнул он, толкая Дэна к краю, к Оливии. — Беги и не оглядывайся! Но тьма не собиралась сдаваться так легко. Из пустоты под мостом поднялась волна темноты, густая, маслянистая, она потянулась к ним, как щупальца, пытаясь обхватить, удержать, затянуть обратно в центр. Оливия почувствовала, как её ноги словно прилипают к асфальту, как будто сама земля не хочет её отпускать. Она посмотрела на Адама — он стоял между ней и тьмой, раскинув руки, будто пытался заслонить их всех сразу. — Нет, — прошептала она, и на этот

раз в её голосе не было ни страха, ни отчаяния — только холодная, стальная решимость. — Ты не пожертвуешь собой. Не сегодня. Она рванулась вперёд, не к тьме, а к Адаму, и схватила его за руку, крепко, до побеления костяшек. — Мы держимся вместе, — крикнула она в пустоту, в темноту, в само сердце разлома. — И мы не отпускаем друг друга! Ни за что! И в этот момент тьма дрогнула. Она зашипела, как вода на раскалённом металле, и начала отступать, втягиваясь обратно под мост, сворачиваясь в плотные сгустки, которые потом рассыпались в обычный туман — серый, мокрый, безобидный. Дэн рухнул на колени, хватая воздух, а Лия, выскочившая из переулка, бросилась к нему, обнимая, плача, смеясь одновременно. Адам стоял, тяжело дыша, и смотрел на Оливию так, будто видел её впервые. — Ты... — начал он, но не смог закончить. Оливия подошла к нему и прижалась лбом к его плечу, позволяя себе на секунду перестать быть сильной. — Всё кончено, — прошептала она. — На сегодня. Но где-то в глубине города, там, где старая водонапорная башня всё ещё стояла, чуть не совпадая с реальностью, что-то тихо щёлкнуло, будто дверь не закрылась до конца, а лишь притворилась закрытой. И это «что-то» ждало своего часа. У старой водонапорной башни, там, где мир казался чуть более призрачным, чем в других местах, после отступления тьмы и восстановления всеобщего сознания, начало происходить нечто едва уловимое. Воздух, всё ещё пропитанный остаточным страхом, вдруг стал прохладнее, словно невидимый сквозняк прошёл сквозь заброшенные металлические конструкции. Скрип, который до этого никто не замечал, усилился, став похожим на тихий, скребущий звук. На самой вершине башни, где когда-то находился резервуар, теперь пустой и ржавый, слабо засветилось окно, которое прежде было лишь мутным пятном. Свет был неярким, пульсирующим, как будто кто-то зажигал и гасил свечу где-то внутри. Это мерцание отражалось в осколках битого стекла, разбросанных у подножия, создавая причудливые, быстро меняющиеся узоры на земле. Из глубины башни, из её каменного основания, донесся еле слышный гул, низкий и вибрирующий, который, казалось, отдаётся не в ушах, а где-то глубоко в груди. Земля под ногами едва заметно дрогнула, и пыль, осевшая на ступенях винтовой лестницы, поднялась в воздух, образуя лёгкое облачко. Казалось, сама башня вздрогнула, оживая после долгого сна, пробуждённая чем-то, что было связано с недавним ужасом. Тихий щелчок, который прозвучал где-то внутри, теперь сопровождался еле слышным шепотом, будто сотни голосов одновременно пытались что-то сказать, но не могли справиться с силами. Этот шепот не имел слов, но нёс в себе оттенок древней тоски и настойчивого ожидания. И каждый, кто находился достаточно близко, кто был чувствителен к подобным переменам, невольно оборачивался в сторону башни, чувствуя необъяснимое, но сильное притяжение или, наоборот, неосознанное желание держаться подальше. У водонапорной башни что-то изменилось, и это «что-то» уже начало свой медленный, но неотвратимый отсчёт. У старой водонапорной башни, там, где старые кирпичи крошились от времени, а ветер завывал в пустых окнах, что-то неумолимо приближалось. Это было не просто предчувствие, а осязаемый холод, проникающий сквозь одежду и кожу, заставляющий волосы вставать дыбом. Внизу, в тени, которую отбрасывала полуразрушенная конструкция, начали проявляться силуэты. Сначала они были едва различимы, словно сгустки тьмы, но постепенно обретали форму, становясь всё более отчетливыми. Они двигались медленно, но с целеустремленностью хищника, их шаги заглушались гулом ветра, но ощущение их присутствия становилось невыносимым. Верхние окна башни, ещё недавно лишь тускло мерцавшие, теперь горели ровным, зловещим светом, и казалось, будто изнутри кто-то наблюдает, выжидая идеального момента для удара. Этот момент приближался с каждым тихим, но настойчивым шорохом, который доносился из зарослей у основания башни, предвещая неизбежное. Шорох усилился, превратившись в едва слышный скрежет, будто ржавые шестерёнки, несмазанные десятилетиями, начали медленно вращаться. Свет в окне наверху стал более ровным, но теперь он имел красноватый оттенок, напоминая тлеющие угли. Казалось, что вся водонапорная башня, этот забытый памятник индустриальной

эпохи, оживает. С каждым днём тишина в её окрестностях становилась всё более зловещей, нарушаемая лишь отголосками этого непонятного механического стога. Город, ещё недавно ощущавший облегчение после пережитого кризиса, теперь вновь погружался в атмосферу неопределённости. Но на этот раз страх был иным — он исходил не от внешней угрозы, а из самого сердца старой, полуразрушенной конструкции, обещавшей нечто более пугающее, чем просто разрушение. Адам всё ещё стоял, не в силах оторвать взгляд от Оливии. В груди у него что-то сжималось — не страх, а чувство, от которого становилось одновременно больно и тепло: будто он только сейчас по-настоящему понял, сколько она готова была отдать, чтобы спасти их всех. Он протянул руку, коснулся её плеча — лёгким, почти робким движением, словно боялся, что она рассыплется, если нажать чуть сильнее. — Ты не должна была так рисковать, — прошептал он, и голос его дрогнул, выдавая то, что он столько времени прятал за резкими приказами и холодной собранностью. — Я бы не вынес, если бы... если бы ты исчезла. Оливия подняла на него глаза, и в них мелькнула горькая улыбка. — А я не вынесла бы, если бы ты шагнул в эту тьму вместо меня, — тихо ответила она, накрывая его руку своей. — Мы не можем друг друга терять. Не сейчас. Не так. Он притянул её к себе, крепко, до хруста в рёбрах, будто хотел убедиться, что она настоящая, живая, тёплая. Она уткнулась ему в плечо, вдыхая запах дождя и металла, и на мгновение весь мир сузился до этого объятия — до биения его сердца под её ладонью, до того, как его пальцы сжимались на её спине, не отпуская. Дэн всё ещё сидел на коленях, обхватив себя руками, и мелко дрожал. Лия присела рядом, обняла его, прижимая к себе, и шептала что-то бессвязное — не заклинания, не умные слова, а просто имена, воспоминания, кусочки их детства: как они прятались от грозы в старом гараже, как мечтали сбежать из этого города, как клялись, что никогда не оставят друг друга. Её голос был хриплым от слёз, но в нём звучала такая упрямая нежность, что даже воздух вокруг, казалось, становился мягче. — Я здесь, — повторяла она, глядя его по волосам, по спине, по плечам, будто пыталась стереть с него прикосновение тьмы. — Ты слышишь? Я здесь. И ты живой. Ты вернулся. Дэн судорожно вздохнул, будто только сейчас смог сделать полноценный вдох, и уткнулся лицом ей в шею, цепляясь за её куртку, за ткань, за тепло, которое было настоящим. — Мне казалось, — прошептал он, голос его ломался, — что я уже не смогу вернуться. Что я растворюсь там, в этой пустоте, и никто даже не заметит. Лия крепче прижала его к себе. — Я бы заметила, — твёрдо сказала она, и в её голосе прозвучала сталь, которой не было минуту назад. — Я бы пошла за тобой даже в эту пустоту. Адам и Оливия переглянулись. В этом взгляде было больше слов, чем они могли произнести вслух: понимание, благодарность, страх, который всё ещё висел в воздухе, и решимость не дать ему победить. Но стоило им на секунду поверить, что самое страшное позади, как город снова напомнил о себе. Ветер, который только что стих, вдруг рванул с новой силой, швырнув в лицо холодные капли дождя. Где-то вдали, над старой водонапорной башней, небо потемнело, хотя до заката было ещё далеко. Туча, плотная и маслянистая, будто сотканная из самой тьмы, медленно накрывала район, стирая очертания крыш и фонарей. И тут, сквозь вой ветра, пробился новый звук — не скрежет, не шёпот, а низкий, вибрирующий гул, от которого земля под ногами едва заметно дрожала. Он шёл не сверху, не из башни, а откуда-то из-под земли, из старых, забытых туннелей, которые когда-то питали город водой. Этот гул был похож на сердцебиение чего-то огромного, чего-то, что долго спало и теперь медленно просыпалось. Оливия резко подняла голову, её пальцы инстинктивно сжали руку Адама. — Это не конец, — прошептала она, и в её глазах мелькнуло то самое холодное знание, которое приходит, когда понимаешь: ты только что выиграл битву, но война ещё не закончена. — Оно не ушло. Оно просто... перегруппировалось. Адам кивнул, не пытаясь притворяться, что не боится. Страх был здесь, в его груди, тяжёлый и горький, но рядом с ним теперь было и другое чувство — яростная, обжигающая решимость. — Тогда мы будем готовы, — сказал он, глядя на Оливию, на Лию, на Дэна, который, наконец, поднялся на ноги, вытирая лицо рукавом, но уже не дрожал так сильно. — В этот раз мы не позволим ему

застать нас врасплох. Лия встала, не выпуская руки Дэна, и посмотрела туда, где над городом нависла башня, теперь почти невидимая в сгустившейся тьме. — Мы не будем ждать, пока оно сделает следующий шаг, — твёрдо произнесла она. — Мы пойдём туда. Прямо сейчас. Пока оно ещё не набрало силу. Дэн сглотнул, но кивнул. В его глазах всё ещё стояла тень того ужаса, но теперь к ней добавилось что-то новое — злость. Злость на то, что с ним сделали, на то, что чуть не отняли у него друзей, на то, что этот город, который он знал всю жизнь, теперь казался чужим и враждебным. — Я пойду с вами, — тихо, но уверенно сказал он. — Я больше не хочу быть тем, кто ждёт спасения. Оливия улыбнулась ему — не радостно, а так, как улыбаются тем, кто только что сделал первый трудный шаг. — Тогда идём, — сказала она, выпрямляясь и глядя на башню, которая теперь казалась не просто заброшенным зданием, а распахнутой пастью, готовой поглотить их всех. — Вместе. И не отпускаем друг друга. Они двинулись вперёд, плечом к плечу, и даже ветер, казалось, на мгновение отступил, будто признал в них силу, с которой нельзя не считаться. Но где-то глубоко под землёй, в старых трубах и туннелях, гул становился всё громче, и тень над башней — всё плотнее. Что-то ждало их там. Что-то древнее, голодное и терпеливое. И оно знало, что они идут. Дорога к башне казалась бесконечной. Каждый шаг давался тяжелее предыдущего — будто город сам сопротивлялся их движению, подбрасывая под ноги ржавые обломки, заставляя огибать провалы в асфальте, где из темноты тянуло ледяным сквозняком. Ветер хлестал по лицам, срывая слова, едва те успевали сорваться с губ. Но они шли, держась друг за друга: Лия не отпускала руку Дэна, Адам шагал впереди, прикрывая остальных, а Оливия замыкала цепочку, то и дело оглядываясь, будто чувствовала, как тень башни тянется к ним, пробуя на прочность их решимость. Когда до подножия оставалось всего несколько десятков метров, воздух стал густым, почти вязким. Дышать стало трудно, будто лёгкие наполнялись не воздухом, а сырой тьмой. Дэн остановился, хватая ртом редкие клочки чистого воздуха, и его пальцы до белизны вцепились в рукав Лии. — Я не могу, — выдохнул он, голос дрожал, но в нём уже не было той пустоты, что звучала на мосту. — Оно снова тянет меня. Я чувствую... как оно шепчет. Лия резко повернулась к нему, схватила за плечи и встряхнула — не грубо, но твёрдо, так, чтобы он смотрел только на неё, в её глаза, а не в ту бездну, что манила его изнутри. — Ты не один, — прошипела она, и в её голосе звенела сталь, выкованная страхом и любовью к другу, которого она не собиралась отдавать. — Слышишь? Ты не один. Я здесь. И я не отпущу. Ни за что. Дэн судорожно кивнул, и этого хватило, чтобы шагнуть дальше. Башня нависла над ними, словно гигантский чёрный зуб, готовый вонзиться в небо. Кирпичи крошились под порывами ветра, обнажая тёмные пустоты внутри. В окнах наверху пульсировал тот самый красноватый свет, будто башня дышала. И с каждым её «вдохом» земля под ногами едва заметно вздрагивала. Адам остановился у ржавой двери, ведущей внутрь, и положил ладонь на перекошенную створку. Металл был тёплым — неестественно тёплым, словно внутри горело что-то, что не имело права гореть. — Мы не знаем, что там, — тихо сказал он, не оборачиваясь, будто боялся, что если посмотрит на остальных, то увидит в их глазах сомнение и сам дрогнет. — Может, лучше найти другой способ. Может, стоит позвать тех, кто разбирается в этом... Оливия подошла и встала рядом, плечом к плечу. Её пальцы легли поверх его ладони, и тепло её руки на мгновение пересилило ледяной ужас, сжимавший грудь. — Другого способа нет, — спокойно, но твёрдо сказала она. — Мы уже ввязались в это. И если мы сейчас отступим, оно просто найдёт другой путь — через кого-то из нас. Через Дэна. Через Лию. Через тебя. Оно уже знает наши слабые места. Адам сжал её пальцы, на секунду прикрыл глаза, будто впитывая эту опору, а потом резко толкнул дверь. Та со скрежетом поддалась, открывая чёрную пасть коридора, из которого тянуло сыростью, ржавчиной и чем-то ещё — чем-то древним, забытым, но не прощённым. Они вошли внутрь, и тишина обрушилась на них, плотная и тяжёлая, как мокрый бархат. Даже ветер, неистово метавшийся снаружи, здесь стихал, будто боялся проникнуть глубже. Шаги гулко отдавались в пустоте, и каждый звук казался слишком

громким, слишком живым в этом мёртвом месте. Винтовая лестница спиралью уходила вверх, теряясь в темноте. На ступенях лежала тонкая корка пыли, но кое-где в ней виднелись свежие борозды — будто кто-то или что-то недавно поднималось туда, где пульсировал красный свет. Оливия первой ступила на первую ступеньку. Её движения были уверенными, но Адам заметил, как мелко подрагивают её пальцы, когда она касалась перил. Он хотел сказать что-то ободряющее, но слова застряли в горле. Вместо этого он просто встал рядом, заслоняя её от темноты, которая, казалось, шевелилась в углах. — Держитесь ближе, — прошептала Лия, обнимая Дэна за плечи, когда они начали подниматься. — Не теряйте друг друга из виду. Лестница вела всё выше, и с каждым пролётом воздух становился горячее. На третьем этаже из стены торчали ржавые трубы, и из одной тонкой струйкой сочилась вода, но пахла она не сыростью, а чем-то горьким, металлическим. Дэн вдруг замер, вглядываясь в тёмный проём коридора. — Там кто-то есть, — прошептал он, и его голос дрогнул. Все замерли. В тишине, нарушаемой только их дыханием, вдруг отчётливо прозвучал тихий звук — лёгкий, едва уловимый, как царапанье ногтя по стеклу. Он шёл откуда-то сверху, из самого сердца башни, где свет пульсировал всё быстрее, будто подстраиваясь под чей-то чужой ритм. И в этот момент Оливия поняла: башня не просто проснулась. Она ждала. Ждала именно их. Она подняла голову, вглядываясь в темноту над собой, и прошептала так тихо, что услышали только те, кто стоял совсем рядом: — Оно хочет, чтобы мы испугались. Хочет, чтобы мы начали сомневаться друг в друге. Но мы не дадим ему этого. Мы знаем, кто мы и что мы друг для друга. Адам посмотрел на неё, и в его взгляде вспыхнуло то самое чувство, которое он так долго прятал: не просто привязанность, а готовность стоять до конца, даже если конец окажется слишком близким. — Тогда идём до конца, — сказал он, чуть крепче сжимая её руку. — Вместе. Они поднялись ещё на один пролёт, и тут лестница оборвалась. Дальше путь преграждала массивная металлическая решётка, покрытая толстым слоем ржавчины. За ней начинался короткий коридор, заканчивающийся круглой дверью, похожей на люк. И прямо перед ней, на полу, лежал странный предмет — тёмный, угловатый, будто отлитый из застывшей тени. Оливия наклонилась, чтобы рассмотреть его, но Адам резко схватил её за руку. — Не трогай, — выдохнул он. — Это может быть ловушка. Предмет вдруг слабо засветился, отзываясь на их близость, и из него потянулся тонкий, почти невидимый шлейф тьмы, который медленно поплыл к ним, извиваясь, как змея. Дэн отшатнулся, врезавшись спиной в стену, и его глаза расширились от ужаса. — Это оно, — прошептал он. — Это его голос. Оно говорит: «Вы пришли. Теперь вы мои». Лия шагнула вперёд, закрывая Дэна собой, и её голос, хриплый от напряжения, вдруг зазвучал громко и ясно, разрывая липкую тишину: — Нет! Ты не получишь его! Ты не получишь никого из нас! Её крик эхом прокатился по башне, и на мгновение свет в люке мигнул, будто от боли. Тьма, тянувшаяся к ним, дрогнула и отступила, свернувшись в плотный клубок у самой решётки. Оливия выпрямилась, чувствуя, как внутри разгорается упрямое пламя — не страха, а ярости. Ярости против того, что хотело отобрать у них самое дорогое. — Оно питается страхом, — сказала она, глядя прямо в пульсирующую темноту за решёткой. — Но у нас есть кое-что посильнее. У нас есть друг к другу. И мы не позволим ему это забрать. Адам кивнул, его лицо было твёрдым, как камень. — Тогда сделаем так, чтобы оно нас испугалось, — тихо произнёс он и шагнул к решётке, не сводя глаз с люка за ней. Он поднял руку и громко, чётко, так, чтобы каждый звук врезался в эту проклятую тишину, произнёс: — Мы идём за тобой. И мы не остановимся, пока не разрушим всё, что ты построил здесь. Свет в люке вспыхнул ослепительно ярко, а затем резко погас. На секунду воцарилась полная темнота, густая и непроглядная, и в этой темноте раздался звук, от которого у всех похолодело внутри, — низкий, утробный рёв, будто сама башня открыла пасть, чтобы поглотить их. Но прежде чем тьма успела сомкнуться, Оливия щёлкнула зажигалкой, которую всё это время сжимала в кармане. Крошечный огонёк вспыхнул, разгоняя мрак, и в его свете они увидели, как решётка медленно, со скрипом, начинает открываться сама по себе. — Оно

впускает нас, — прошептала Лия, и в её голосе прозвучало не облегчение, а новая, холодная решимость. — Значит, оно боится. Адам шагнул вперёд первым, за ним — Оливия, потом Лия и Дэн. Они прошли сквозь решётку, и люк перед ними бесшумно распахнулся, открывая путь в самое сердце башни. Внутри было темно, но не пусто. В центре круглой комнаты стоял странный механизм — переплетение ржавых шестерёнок, труб и тёмных кристаллов, пульсирующих в такт с чем-то, чего они не могли услышать, но чувствовали кожей. А над ним, в самом центре, висел в воздухе небольшой предмет, похожий на стеклянный шар, внутри которого клубилась тьма, медленно вращаясь, словно миниатюрная чёрная дыра. Именно от него исходило то самое притяжение, которое тянуло к себе страх, боль и самые тёмные воспоминания. Оливия сделала шаг вперёд, не сводя глаз с шара. — Вот оно, — тихо сказала она. — Источник. Если мы уничтожим его... Но не успела она договорить, как из темноты по обе стороны комнаты бесшумно выступили фигуры. Они были высокими, неестественно вытянутыми, их силуэты мерцали, будто состояли не из плоти, а из самой тени. Их глаза горели тем же красноватым светом, что и окна башни. Одна из фигур медленно подняла руку, указывая прямо на Дэна. — Он уже наш, — прошелестел голос, идущий отовсюду сразу. — Он слышал нас. Он помнит нас. Дэн попятился, но Лия встала перед ним, расправив плечи, и в её взгляде не было ни капли страха — только упрямая, отчаянная любовь к другу, которую никакая тьма не могла стереть. — Попробуй только тронуть его, — прошептала она, и её голос прозвучал как удар хлыста. — И ты узнаешь, что значит иметь дело с тем, кто ничего не боится потерять. Тени замерли, будто на секунду растерялись, столкнувшись с этой чистой, обжигающей решимостью. И в этот миг Оливия поняла: у них есть шанс. Не потому, что они сильнее, а потому, что их связь крепче любой тьмы. Она посмотрела на Адама, на Лию, на Дэна — и улыбнулась, хоть в этой улыбке не было ни радости, ни покоя, а только твёрдое знание: они справятся. Потому что они вместе. — Ну что, — тихо сказала она, поднимая взгляд на пульсирующий шар. — Пора заканчивать этот кошмар. Тени шагнули вперёд, и воздух между ними и ребятами сгустился, будто сам мир пытался замедлить этот миг, дать им ещё секунду на то, чтобы всё осознать. Но Оливия не дала себе этой секунды. Она вскинула руку, не к шару, не к механизмам — а прямо в лицо ближайшей тени, и выкрикнула слова, которые когда-то слышала от старой смотрительницы водонапорной станции — слова, что звучали как заклинание, хотя она никогда не верила в их силу по-настоящему: — Не властен ты здесь! Это не твоя земля! Не твои люди! Слова ударили по тьме, как раскат грома, и тень на мгновение замерла, словно споткнулась о невидимую преграду. В её горящих глазах мелькнуло что-то похожее на удивление — будто она не ожидала, что кто-то посмеет ей возразить. Адам рванулся вперёд, прикрывая Оливию, и его голос прозвучал низко, яростно, как грозовой раскат: — Ты не тронешь её! Никто из вас не тронет никого из нас! Он шагнул прямо на линию между тенью и шаром, будто бросая вызов самой башне. И в этот момент шестерёнки в механизме щёлкнули, провернулись, и по ржавым трубам пробежала волна тусклого света — не красного, не тёмного, а холодного, почти серебряного, как отблеск луны на воде. Дэн вдруг дёрнулся, будто его ударило током, и его пальцы впились в плечо Лии. — Я слышу его, — прошептал он, глаза его расширились, но в них больше не было пустоты — только острая, болезненная ясность. — Не голос тьмы. Другой голос. Старый. Он говорит... он говорит, что башня не всегда была злой. Она была стражем. А потом... потом её сломали. Лия крепче прижала его к себе, не как того, кто нуждается в защите, а как равного, кто несёт часть этой битвы. — Тогда помоги нам её починить, — прошептала она ему прямо в ухо, так, чтобы слышал только он. — Если там есть что-то доброе, пусть оно проснётся. Пусть вспомнит, кем было раньше. Дэн закрыл глаза, сжал кулаки и вдруг выдохнул — не страх, не боль, а слово, которое сорвалось с его губ само по себе, будто его кто-то подсказал изнутри: — Вернись. Одно-единственное слово, тихое, но чистое, без примеси страха. И оно ударило по комнате сильнее любого крика. Шар в центре вздрогнул, и тьма внутри него на миг расступилась, обнажив тонкую нить света — как

трещину в чёрном стекле. Шестерёнки снова щёлкнули, но теперь их движение стало другим: не хищным, а будто ищущим, пробуящим ритм. А тени, до этого наступавшие уверенно, вдруг пошатнулись, их очертания поплыли, как дым на ветру. Одна из фигур зашипела, и этот звук был полон не ярости, а боли — будто её разрывали изнутри. — Он помнит, — выдохнула Оливия, глядя на шар, на механизм, на всё это переплетение металла и тьмы. — Башня помнит. И если Дэн может достучаться до той части, что была стражем... если мы сможем отделить старое от нового... Адам резко повернулся к ней. — Что нужно сделать? Оливия на секунду закрыла глаза, вспоминая слова из башни, те самые: «Дверь закрывается жертвой. Не смертью. Отказом. Тем, что ты отдаёшь добровольно». — Нам не нужно уничтожать, — сказала она, и её голос стал твёрдым, как сталь. — Нам нужно вернуть. Нужно дать башне то, что у неё украли. Не силу. Не страх. А память. О том, кем она была. Она шагнула к шару, но не чтобы разбить его, а чтобы коснуться его — ладонью, прямо по стеклу, туда, где пульсировала тьма. — Мы помним, — тихо, но чётко произнесла она, глядя прямо в сердце шара, будто в глаза чему-то древнему и уставшему. — Мы помним, что ты защищала. Мы не позволим тебе забыть. Тьма внутри шара снова вздрогнула, и на этот раз из неё вырвался не рёв, а тихий, протяжный стон — как вздох после долгого, мучительного сна. Свет в шестерёнках стал ярче, чище, и ржавые детали вдруг перестали казаться просто обломками — они словно вспомнили своё предназначение. Тени отступили, их фигуры стали прозрачнее, будто растворяясь в воздухе. Та, что стояла ближе всех к Дэну, замерла, склонила голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышали остальные. И затем, без звука, рассыпалась в серую пыль, которая осела на пол и тут же развеялась сквозняком. Механизм щёлкнул в последний раз — и замер. Шар перестал пульсировать. Тьма внутри него не исчезла, но сжалась, стала маленькой, плотной, как уголёк, который больше не жжёт, а просто хранит тепло. И вдруг башня вздохнула — не скрежетом, не стоном, а звуком, похожим на тихий, усталый выдох. Ветер, который столько дней завывал в её окнах, стих. Где-то наверху скрипнула старая дверь, но теперь этот звук не пугал — он звучал как обычное движение старого дома, который наконец-то перестал бороться. Дэн медленно опустил руки, и его плечи опустились, но не от усталости, а от облегчения. Он посмотрел на Лию, и в его глазах стояли слёзы, но это были не слёзы страха. — Она услышала, — прошептал он. — Она поняла. Лия улыбнулась ему, и эта улыбка была такой светлой, что на секунду даже ржавые стены казались не такими мрачными. — Конечно, услышала, — тихо сказала она, обнимая его. — Она ведь всегда была здесь. Просто ей было очень одиноко. Адам подошёл к Оливии и осторожно положил руку ей на плечо. — Ты знала, что так будет? — спросил он, и в его голосе звучало не обвинение, а восхищение, смешанное с облегчением. Оливия покачала головой. — Не знала. Но надеялась. Она посмотрела на шар, теперь тихий и спокойный, и тихо добавила: — Теперь он не опасен. Пока мы помним. Пока не позволяем тьме забрать нашу память о добре. Они стояли посреди круглой комнаты, окружённые тишиной, которая больше не была зловещей. Башня не стала доброй — она стала собой. Усталой, старой, но наконец-то свободной от того, что её исказило. Когда они вышли наружу, небо над городом было серым, но уже не тяжёлым. Первые лучи рассвета пробивались сквозь облака, окрашивая мокрые крыши в бледно-золотые тона. Город просыпался, не зная, что этой ночью что-то изменилось — но чувствуя, что дышать стало чуть легче. Адам остановился на краю пустыря, глядя на башню, которая теперь казалась не монстром, а старым сторожем, наконец-то опустившим тяжёлый щит. — Мы вернёмся, — тихо сказал он, скорее себе, чем остальным. — Чтобы убедиться, что она держится. Оливия встала рядом с ним, и их плечи соприкоснулись — не для защиты, а просто потому, что так было правильно. — Да, — согласилась она. — Но не сегодня. Сегодня мы просто пойдём домой. И будем помнить. Лия и Дэн шли чуть впереди, тихо переговариваясь, и в их голосах уже не было напряжения — только усталость и странное, тихое счастье от того, что они всё ещё вместе. Город встречал новый день. И где-то в его сердце старая башня тихо дремала, оберегая то, что ей доверили. Ключ повернулся в замке с глухим

щелчком, и дверь отворилась, пропуская их в спасительную тишину квартиры. Воздух внутри был тёплым и пах домом – смесью запахов кофе, старых книг и чего-то неуловимо личного, принадлежащего только Адаму. Оливия шагнула вслед за ним, и едва дверь захлопнулась, как весь остаток напряжения, накопившийся за ночь, обрушился на неё. Она оперлась спиной о прохладное дерево, медленно выдыхая. Адам повернулся, его глаза, всё ещё чуть прикрытые усталостью, искали её. Он видел, как дрожат её плечи, как блестят глаза, и в его груди разлилось такое мощное, тёплое чувство, что на мгновение стало трудно дышать. Он подошёл к ней, не говоря ни слова, и осторожно притянул к себе, обнимая крепко, словно боялся, что она может снова исчезнуть. Оливия уткнулась ему в грудь, вдыхая знакомый запах его кожи, и почувствовала, как по её телу пробежала дрожь. Это была не дрожь страха, а дрожь облегчения, осознания, что они в безопасности, что они снова вместе. Его руки гладили её по спине, успокаивая, и с каждым его прикосновением её сердце билось всё ровнее. «Мы дома», – прошептал Адам, его голос был хриплым от эмоций. Он отстранился чуть-чуть, только чтобы заглянуть ей в глаза, и его взгляд был полон такого нежности и желания, что у Оливии перехватило дыхание. Её пальцы поднялись, чтобы коснуться его щеки, ощущая лёгкую щетину, – такое простое, но такое реальное касание. «Ты здесь», – прошептала она в ответ, и в её голосе слышалось столько облегчения, что Адам не смог больше сдерживаться. Он наклонился, и их губы встретились в поцелуе – сначала нежном, осторожном, словно они проверяли, реально ли всё происходящее. Но затем, по мере того, как они отдавали друг другу всю свою накопившуюся усталость, страх и, главное, любовь, поцелуй становился всё более страстным. Это был поцелуй, в котором смешались облегчение, радость от встречи и желание забыть обо всём, кроме друг друга. Руки Адама скользнули под её свитер, касаясь тёплой кожи, и Оливия задыхалась от его прикосновений, прижимаясь к нему ещё сильнее. Он подхватил её на руки, не прерывая поцелуя, и понёс вглубь квартиры, туда, где их ждал только они сами и возможность наконец-то выдохнуть. Он понёс её в спальню, где мягкий полумрак окутывал всё вокруг, словно приглашая забыть о внешнем мире. Каждый шаг был наполнен предвкушением, их губы не размыкались, лишь обмениваясь стонами, полными невысказанных желаний. Руки Адама исследовали изгибы её тела сквозь одежду, вызывая волны жара, которые растекались по венам Оливии. Она чувствовала, как его сердце колотится о её грудь, вторя бешеному ритму её собственного. Когда он осторожно опустил её на кровать, её пальцы уже трепетали, расстёгивая пуговицы на его рубашке. Каждый новый обнажённый участок кожи, который открывался её взгляду, заставлял её сердце биться быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.